Кузьмичева В.А.

**Семантико-синтаксические особенности глаголов, объективирующих фрейм
«социальная деятельность по достижению цели»**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/lj-01-2019-59

idsp: ljjournal-01-2019-59

Аннотация

Статья посвящена проблеме практического применения современной лингвистической теории: семантики фреймов. Значения глаголов как единиц языка исследуются через их когнитивные представления. В статье рассматриваются проблемы формирования, описания и репрезентации компонентов фрейма на языковом уровне.

Ключевые слова: фрейм, когнитивная семантика, концепт, прототип, глаголы, социальная деятельность.

Abstract

The article is devoted to the problem of practical application of the modern linguistic theory: frame semantics. The meanings of the verbs as the parts of language are investigated through their cognitive representation. The article deals with the problem of formation, description and representation of the frame components on the language level.

Keywords: frame, cognitive semantics, concept, prototype, verbs, social activity.

Ориентация в окружающем мире требует от человека осмысления поступающей к нему информации, организации ее в связные структуры и тем самым формирования определенного образа. Когнитивное направление лингвистики пытается выяснить, как именно знания о мире преломляются в человеческом сознании и какие механизмы задействованы в их репрезентации на языковом уровне.

В задачи нашего исследования входило рассмотрение когнитивных оснований семантики глаголов социальной деятельности по достижению цели (aim, arrive, acquire, achieve, attempt, attain, accomplish, deserve, emulate, exceed, excel, fulfill, intend и др.) через обобщение когнитивных представлений, стоящих за их значениями. В связи с этим необходимо было описать соответствующий концепт и выявить формирующие его концептуальные признаки.

Антропоцентрическая направленность лингвистики, а также постулаты когнитивной семантики открывают возможности репрезентации различных видов жизнедеятельности человека и способов его взаимодействия с окружающей средой. В системе языка глаголы социальной деятельности по достижению цели отражают многозначность концепта человеческой деятельности как процесса восприятия мира.

Мы попытались исследовать механизмы репрезентации данного концепта на языковом уровне, опираясь на теорию фреймовой семантики двадцатого века [2; 6; 11] и последних лет [1; 5; 7], а также теорию концептуальной интеграции [4; 12]. Первая оперирует понятием фрейма как некой когнитивно-пропозициональной модели, организующей знания о той или иной стереотипной ситуации. В основе второй лежит важнейшее свойство человеческого сознания – устанавливать связи между различными ментальными пространствами, постоянно формирующимися в нашей голове и позволяющими выйти за рамки непосредственно наблюдаемого.

Ментальные пространства структурируются фреймами и, благодаря свойствам последних, способны накладываться одно на другое, образуя своеобразный «гибрид». При этом наследуются какие-то исходные признаки и возникают новые, создавая иной фрейм с присущими только ему свойствами.

При анализе когнитивной работы в голове человека по образованию концепта социальной деятельности по достижению цели мы пришли к следующим выводам. Система онтологических характеристик, отражающая отношения объективного мира и определяющая место в ней человеческой деятельности, такова, что активность любого живого организма, в конечном счете, вызывается его потребностями и направлена на их удовлетворение. Потребности человека являются мотивом, толчком к деятельности, стимулируют ее, однако при этом сами формы и содержание деятельности определяются общественными условиями, требованиями и опытом. Такой тип поведения настолько специфичен, что для его обозначения употребляется особый термин – деятельность социальная.

Фактические результаты деятельности сопоставляются с моделью желаемого будущего – цели, которая обязательно представлена в голове человека. Ситуация социальной деятельности по достижению цели может быть объективирована концептами «цель» и «деятельность». Фрейм полученного интегрированного концепта представляет собой синтез исходных ментальных пространств и способствует реализации свойства человеческого сознания к постоянному созданию новых.

На примере исследования фактического материала рассмотрим механизм репрезентации фрейма социальной деятельности по достижению цели на языковом уровне. Фрейм, соотносимый с указанным концептом, можно представить в виде логически организованной структуры знаний о стереотипной ситуации, связанной с осуществлением социальной деятельности по достижению цели. К тому же, данный фрейм обуславливает семантическую общность и разнообразие активизирующих его глаголов.

Исходя из характеристики стереотипной ситуации социальной деятельности по достижению цели, предположим, что ее прототипический субъект наделен признаками «одушевленности», «активности», «волитивности», «контролируемости», «сознательности» и др., а потому, на основании уже существующих исследований категории субъекта [3; 9; 10], является агенсом.

Очевидно, что субъект – центральный актанта в ситуации социальной деятельности по достижению цели, он формирует ее синтаксический репертуар. В роли агенса в данном случае могут выступать одушевленные имена существительные, называющие человека (речь идет о деятельности социальной, то есть присущей только человеку), а также их субституты (местоимения, субстантивированные прилагательные и т. п.).

При этом осмыслению глаголов социальной деятельности как акциональных способствует прекрасное сочетание агентивного субъекта с модальными глаголами.

Ясно, что социальная деятельность по достижению цели возможна лишь при активном субъекте, поэтому репрезентирующие данную ситуацию глаголы в пассиве не типичны. Однако допустимость пассивных конструкций в редких случаях объясняется тем, что реальный субъект, осуществлявший деятельность, может быть словесно не выражен, а в предложении его место занимает объект.

Если же в роли агенса действия выступает неодушевленный объект, то это происходит в результате метонимической или метафорической замены, а также олицетворения. При этом неодушевленному объекту как бы приписывается определенная активность в результате внешней каузации или стечения обстоятельств. Такой агенс наделен признаком «псевдоактивности».

Агенс действия, как правило, не отделим от бенефактора – очевидно, что целеполагающий субъект ставит желательные для него цели и стремится к их достижению.

Если же цели ставятся и осуществляются в интересах кого-то, то это требует отдельной позиции агенса и бенефактора, при этом употребляется глагол *to have to* или отрицательная форма глаголов *to want*, *to wish*, что погашает признак «волитивности», обязательный при постановке цели агенсом.

Объект может носить агентивный характер и в том случае, если субъект лишь каузирует деятельность, но сам ее исполнителем не является. Иными словами, происходит дифференциация инспиратора (вдохновителя) и агенса (исполнителя).

Активная, целенаправленная деятельность субъекта может быть только сознательной, поэтому животные, явления природы и артефакты в качестве агентивного субъекта не типичны, так как признаки «одушевленности» (для последних двух) и «сознательности» в реальном мире для них не характерны. Однако если субъект - «человек» лишен указанных признаков, то он сочетается с глаголами, передающими состояния, которые не выбираются и являются следствием объективно существующей причины, а не субъективной цели. В этом случае признаки «сознательности» и «контролируемости» могут погашаться наречием *unconsciously*.

Признаки «контролируемости» и «сознательности» при осуществлении деятельности по достижению цели на языковом уровне выявляются в контексте наречий и словосочетаний, выражающих степень качества, то есть зависимости исполнения задуманного от усилий субъекта.

Фазовые глаголы *to start, to begin, to continue, to stop* также способствуют интерпретации социальной деятельности субъекта по достижению цели на языковом уровне как контролируемой и сознательной.

В сочетаниях с модальными глаголами *can, must, should* и др. предполагается возможность или обязательность осуществления тех или иных событий со стороны субъекта и, следовательно, их интерпретацию в языке как контролируемых.

Итак, анализ фактического материала, отражающего возможные ситуации социальной деятельности по достижению цели, подтверждает нашу гипотезу о прототипическом субъекте, наделенном всеми признаками субъекта-агенса, который, в сочетании с указанными глаголами, приводит к активизации соответствующий фрейм и является обязательным в его структуре, так как определяет, по сути, всю последующую деятельность.

Иными словами, фрейм, благодаря своей иерархической структуре, гибкости и открытости границ, а также способности к активации через вариативный набор составляющих его компонентов, предполагает наиболее индивидуализированную репрезентацию знаний о стереотипной ситуации. При этом процесс понимания при вербализации фрейма определяется не только значениями языковых форм, но зависит от участников ситуации общения (используется экстралингвистическая информация). Следовательно, фрейм позволяет не отделять язык от его носителя и объясняет способность человека воссоздавать окружающий его мир через мысленную интерпретацию лексическими средствами.

Итак, фрейм является тем действенным механизмом, который превращает формы когнитивного освоения действительности в материальную сущность посредством языка.

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: ТГУ, 2001.
2. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
3. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982.
4. Ирисханова О. К. О теории концептуальной интеграции // Изв. РАН. – СЛЯ. – 2001. – Т. 60. - № 3. – С. 44 – 49.
5. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996.
6. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: ВГУ, 1999.
8. Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Изв. РАН. – СЛЯ. – 2000. – Т. – С. 3 – 15.
9. Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982.
10. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – М.: УРСС, 2001.

11. Филлмор Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23.- М.: Прогресс, 1988. – С. 52 – 92.
 12. Fauconnier G., Mental Spaces: Aspects of meaning construction in natural languages. – Cambridge, 1994.
-